

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Сиб. Университета.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. | К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. | К. L. Ricker, Königsstr. 20.

Критическія замѣчанія къ *Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου* по тексту Вагнера.

(Carmina graeca medii aevi p. 112—123).

Стихотворный памятникъ византійскаго животнаго эпоса, носящій нѣсколько ироническое заглавіе «Синаксарь почтеннаго осла», изданъ Вагнеромъ по Вѣнской рукописи (Vind. 244), изобилующей тѣми-же ошибками, какими отличаются въ большей или меньшей степени всѣ списки произведеній средне-греческаго народнаго или полународнаго творчества: искаженіемъ непонятыхъ словъ, пропускомъ полустишій, а иногда — и цѣлыхъ стиховъ, въ особенности же замѣной формъ устарѣлыхъ или діалектическихъ такими, къ которымъ привыкъ переписчикъ. Неисправности первыхъ двухъ родовъ, какъ наиболѣе бросающіяся въ глаза, Вагнеръ старался устранить, но погрѣшности противъ языка автора онъ оставилъ безо всякаго вниманія. На такую ошибку мы наталкиваемся уже въ 4-мъ стихѣ, гдѣ описывается положеніе осла у жестокаго и скупого хозяина:

ποτέ του δὲν ἐχόρτασεν, ποτέ του οὐκ ἀναπαύτη.

Чтобы одинъ и тотъ-же человѣкъ, выражаясь обычнымъ своимъ языкомъ, какъ здѣсь, употреблялъ рядомъ новое *δὲν* и древнее *οὐκ*, просто невѣроятно. Та-же позднѣйшая форма отрицанія въ ст. 23:

εἰς τὸ χορμί μου δὲν ἔχω χρέας ἀλλ' οὐδὲ αἶμα.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ автору поэмы служатъ отрицаніемъ либо *οὐκ*, либо *οὐδὲν* (ст. 26, 161, 167, 187, 203, 231, 236, 276, 327, 335, 358, 387, не считая ст. 279 на древнемъ языкѣ). Итакъ несомнѣнно, что въ ст. 4 и 23 слѣдуетъ восстановить *οὐδὲν*, раздѣливъ слова такъ: τ' οὐδὲν, μ' οὐδὲν (еще лучше μ' οὐδὲν съ энклитическимъ *ἔχω*, о чемъ ниже).

Ст. 12: καλῶς σ' ἠύραμεν, γάδαρε αὐθέντη. καλῶς κάμνεις;
καλῶς ποιῆς καὶ χαίρῃσαι; καλῶς τὸ ἀμπουκόνεις;

Опять позднѣйшая форма вмѣсто болѣе старой: въ ст. 229 и 230 ἐμπουκονόμην — ит. imbossage «братъ въ ротъ» съ замѣной романскаго in греческимъ ἐν. Неправильно поставлены здѣсь Вагнеромъ и знаки вопроса: посредствомъ нарѣчія καλῶς со 2-мъ лицомъ настоящаго времени выражается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ доброе пожеланіе, смыслъ котораго приблизительно таковъ: да будетъ тебѣ во благо то, что ты въ настоящее время дѣлаешь (см. мои «Способы относительнаго подчиненія», стр. 87 примѣч. к). Καὶ χαίρῃσαι значить «такъ, чтобы ты наслаждался», т. е. тѣмъ, что дѣлаешь (см. тамъ-же стр. 60—63).

Ст. 19—21: Καὶ τὸ φαγὶν ἐστάθηκεν, κακὰ ἀνασπενάζει,
ἀπηλογοῦται πρὸς αὐτοὺς μετὰ πολλῶν τῶν ἄλλων,
καὶ τοῦτο τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλῶν τοὺς εἶπεν.

Услышавъ коварное привѣтствіе лисицы и волка, осель пересталъ ѣсть—ἐστάθηκε τοῦ φαγῆν. Чтеніе рукописи (=«стала ѣда») едва-ли хорошо во фразеологическомъ отношеніи, а въ синтактическомъ со-всѣмъ неловко: подлежащее и выше и ниже — все тотъ-же осель. Повтореніе μετὰ πολλῶν странно; но въ такомъ видѣ оно принадле-жить Вагнеру, а въ рукописи ст. 21 читается такъ: καὶ τούτου (на подскобленномъ мѣстѣ) τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν, гдѣ не только повторено некстати то-же понятіе, но и размѣръ нару-шенъ. Μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν очень похоже на прозаическую передачу того, что сказано въ ст. 20. Весьма вѣроятно, что этими словами вытѣснена или, по крайней мѣрѣ, замѣнена вторая половина ст. 21, содержавшая въ себѣ, конечно, нѣчто иное,—но что именно? Въ риемованномъ изводѣ того-же разсказа, озаглавленномъ Γαδάρου, λύκου καὶ ἀλουποῦς διήγησις ὥρατα (у Вагнера стр. 124—140), въ мѣ-стѣ, соотвѣтствующемъ разбираемому здѣсь, между прочимъ гово-рится (ст. 45 и 46):

στέχει, διαλογίζεται, πῶς νὰ τοὺς ταπεινώσῃ,
καὶ λέγει τότε μέσα του, τώρα νὰ παύσῃ γυνῶσι.

Новое сравнительно съ «Синаксаремъ» даютъ здѣсь вторыя поло-вины обоихъ стиховъ. Изъ нихъ послѣдній не важенъ, такъ какъ въ виршахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которые «Синаксарь» переложень не-

извѣстнымъ римоплетомъ, строй второго стиха каждой пары не только по формѣ, но и по мысли обуславливается первымъ стихомъ, особенно концемъ его. Но потому-то и заслуживаетъ вниманія конецъ ст. 45: быть можетъ, пропавшая вторая половина ст. 21 въ нашемъ памятникѣ была именно *διὰ τὰ τοὺς ταπεινώσῃ*. Запятая послѣ *ἄλλων* излишня во всякомъ случаѣ.

Ст. 48: *ἡ δ' ἄλουτοῦ εὐθύς (σοφῶς) τὸν γάδαρον ἐλάλει*.

Слово *σοφῶς* вставлено Вагнеромъ для пополненія стиха, но едва-ли удачно. Кажется, лучше было бы *Ἡ δὲ ἀλώπηξ παρευθύς*. Ср. начало ст. 44: *Ἡ δὲ ἀλώπηξ...* и ст. 287: *παρευθύς τὸν σύντεχνόν της λέγει*. Форма *ἀλώπηξ* встрѣчается и въ ст. 265.

Ст. 51—54: *ὄντως πρέπει σε, γάδαρε, γάδαρον νὰ σὲ λέγουν·
φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν
τὴν ἔχεις εἰς τὰ ἄλλα σου ἐπάνω εἰς τὸ κορμί σου·
ὄλα ἴναι παρασουλικά μετὰ τῆς θεωρίας.*

Вагнеръ въ Appendix observationum замѣчаетъ, во-первыхъ, что это мѣсто было испорчено и въ той рукописи, на которой основана римованная *διήγησις*, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего, ему соответствующаго; во-вторыхъ, — что здѣсь есть пропускъ. То и другое замѣчаніе вполне основательно, только неправъ Вагнеръ въ томъ, что предполагаетъ пропускъ послѣ ст. 53 (т. е. на самомъ дѣлѣ, 52), пополняя его «*ludendi causa*» такъ:

τὸ ὄνομά σου ἔθηκε καὶ γάδαρόν σε κράζει.

По акцентуаціи того времени слѣдовало написать *γάδαρον σέ*. Но это мелочь, а важно то, что обычное соотношеніе между синтаксисомъ и размѣромъ въ политическомъ стихѣ заставляетъ искать утраченной части текста послѣ первой половины ст. 52, напр. въ такомъ видѣ:

*φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος [ὅπου σὲ εἶπεν οὕτως·
πρεπόντως σ' ἐπωνόμασεν] καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν,*

т. е. сообразно съ внѣшностью. Въ ст. 53 и 54 *ἄλλα* и *ὄλα* помѣнялись мѣстами, при чемъ первое утратило членъ (*τᾶλλα* или *τ' ἄλλα* «прочее», т. е. духовная сторона). Что касается Вагнерова примѣчанія подъ текстомъ: «*παρασουλικά quid sit nescio*» и другого, въ Appendix: «*si hariolari liceat dixerim sensum vocis παρασουλικός esse*

conveniens», то, къ моему крайнему сожалѣнію, я могу дополнить ихъ только согласіемъ.

Ст. 72—73: *ἀν τὸ ἕχη καὶ ἡ φύσις σου καὶ παιδεύσιν νὰ μάθῃς,
χαρὰ ᾿ς ἐσέν, χαρὰ ᾿ς ἐμᾶς διὰ τὸν μαθητὴν μας.*

Предлогомъ *διὰ* замѣнилъ помогавшій Вагнеру Викала рукописное *καὶ μὲ*. Сравни однако *διήγησις* 127—128:

*ἀν ἐν καὶ σὺ μαθητευθῆς, νᾶσαι διὰ τιμὴ μας,
χαρὰ σὲ σέ, χαρὰ σὲ μᾶς καὶ σὲ τὸν μαθητὴ μας*

и примѣчаніе Вагнера къ этому мѣсту, въ такой формѣ совершенно бессмысленному: «*σὲ В* (» т. е. венеціанское изданіе 1871 г. «), *μὲ А* (» т. е. изданіе Якова Гримма «)». Хотя изъ этого слишкомъ лаконическаго указанія не видно, на мѣстѣ котораго изъ трехъ *σὲ* у Гримма читается *μὲ*, однако уже аналогія соответствующихъ стиховъ Синаксаря заставляегь отнести помѣту Вагнера къ третьему *σὲ*. Правда, такое совпаденіе значитъ лишь то, что *μὲ* находилось и въ той рукописи Синаксаря, которой пользовался авторъ риемованнаго извода, а эта рукопись, какъ мы видѣли выше, была испорчена, какъ и Вѣнскаѣ; но все же согласіе двухъ списковъ въ такомъ чтеніи, которое несомнѣнно даетъ извѣстный смыслъ, должно быть признано заслуживающимъ вниманія. А смыслъ этого мѣста ясенъ тому, кто ужъ пересталъ удивляться невзыскательности византійскихъ стихослагателей по отношенію къ логикѣ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и знаетъ чисто-народное плеонастическое употребленіе *καὶ при μὲ*. Такъ и мы можемъ сказать: «Благо тебѣ, благо намъ *и* съ нашимъ ученикомъ!» Тотъ-же оборотъ встрѣчается и въ ст. 342 риемованной *διήγησις*, который, вмѣстѣ съ предшествующимъ, читается у Вагнера такъ:

*ἀλλ' ὅμως ἐγροικήσατε τὰ ἁμαρτήματα μου
καὶ συγχωρήσατέ μου τα καὶ μὲ τὰ κρίματα μου.*

Но какъ ни малы были требованія византійскихъ читателей такихъ нехитрыхъ поэтическихъ произведеній, все же и въ нихъ трудно было предположить такое равнодушіе къ логикѣ и стилистикѣ, чтобы позволить себѣ соединеніе двухъ такихъ полныхъ синонимовъ, какъ *ἁμαρτήματα* и *κρίματα*, посредствомъ *καὶ μὲ*. Къ тому-же *τα* послѣ *μου* въ ст. 142 находится только въ изданіи Якова Гримма, а въ Венеціанскомъ этого мѣстоименія нѣтъ. Не случайность, можетъ быть,

и то, что не только въ διήγησις (ст. 210, 308, 314), но и въ «Синаксарѣ» (ст. 137, 211, 220) глаголь συγχωρῶ относится къ согрѣшившему, а не ко грѣху. Потому можно предположить: καὶ συγχωρήσατέ μ' ἐμὲν.

Ст. 90—92: προβλέπων δὲ τὸν θάνατον αὐτοῦ τὸν καθ' ἡμέραν
καὶ διαλογιζόμενος τί μηχανὴν ποιῆσαι
— καθάπερ καὶ ἐποίησεν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Очевидно, что послѣ ст. 91 пропущенъ стихъ приблизительно такого содержания:

δόλον ἐνόει μέσα του ὅπως τοὺς τιμωρήσῃ

или — μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' αὐτοὺς (съ превращениемъ η = ι въ j передъ гласной, какъ напр. въ ст. 160: ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατοὺς, νὰ μὴ μὲ θανατώσουν). Ср. 268:

Ὁ γάδαρος δὲ θεωρῶν αὐτῶν τὰς πανουργίας,
τὰς ἀδικίας τὰς αὐτῶν καὶ τὰς διαβολίας,
εἰς ἑαυτὸν ἐνόησε ποιῆσαι πρᾶγμα ξένον,
ἐπαινετὸν καὶ ἀκουστὸν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Ст. 80: νὰ γένῃς σύντροφος ἡμῶν, ᾗς ἀξιά σου καὶ τιμὴ σου.

Въ рукописи ᾗς нѣтъ: оно вставлено Викелой. Но въ «Синаксарѣ», какъ и обыкновенно въ дошедшихъ до насъ спискахъ византийскихъ стихотворений простонароднаго склада, сокращенная форма ᾗς встрѣчается или послѣ гласной, гдѣ она во всякомъ случаѣ не подтверждается размѣромъ, такъ какъ для стиха все равно, будемъ ли мы читать напр. καὶ ᾗς или κ' εἰς, или же передъ членомъ, т. е. известной частью рѣчи, имѣющей въ новогреческомъ языкѣ свои фонетическія и синтактическія особенности, а именно 1) передъ членомъ подвергается сокращенію не только εἰς, но и ἀπό, напр. ἀπό τὴν χώραν звучитъ въ естественной рѣчи *af tu xóra*, 2) въ средне-греческомъ просторѣчій членъ употреблялся далеко не такъ часто, какъ теперь; напр., онъ былъ, повидимому, необязателенъ передъ существительнымъ съ родительнымъ опредѣленіемъ или съ предлогомъ, чему аналогіи находимъ у румынъ. Вотъ примѣры ᾗς въ «Синаксарѣ»:

82 νὰ πᾶμεν ᾗς τὴν ἀνατολὴν εἰς τὸν καλὸν τὸν τόπον.

99 ὡς τὸ ᾄδα ἐψές ᾗς τὸν ὕπνον μου, βλέπω το καὶ ἐξ ὕπνου.

266 καὶ τί ἄλλον ἀμάρτημαν χειρότερον ᾗς τὸν κόσμον;

301 ὁ κῶλος σου ᾗς κινήθῃ ᾗς τὸ πόδωμαν καὶ μόνον

(γδ΢ вслѣдствіе цезуры между κινηθῆ и ᾽ς нельзя допустить вліянія перваго на послѣднее).

307 κί οὐλον τόν ἑκατέστησεν ᾽ς τόν ποῦντον ὅπου πρέπει.

313 ἔμπροσθεν τόν ἐρόντζειψεν ᾽ς τήν μέσην τοῦ πελάγους.

320 ἐκρήμνησεν καί ἔδωκεν ᾽ς τήν θάλασσαν ἀπέσω.

321 ἐπῆραν τήν τά κύματα, ᾽ς τόν λύκον τήν ἐπῆγαν.

330 ἔσωσάν με κ' ἔγκρεμνίστηκα ᾽ς τήν θάλασσαν ἀπέσω.

361 ἡ γνῶσις ἔναι πανταχοῦ ᾽ς τόν κόσμον ἔσπαρμένη.

Стойтъ только въ этихъ случаяхъ устранить членъ — и полное εἰς будетъ возстановлено. Во всякомъ случаѣ, кажется, только ст. 301 и 321 представили бы по устраненіи члена рѣзкое противорѣчіе современному греческому синтаксису. Но возможно допустить, что въ нихъ καί и второе τήν были вставлены ради гладкости ритма, заботою о которой могло быть вызвано и сокращеніе предлога εἰς. Но этотъ памятникъ относится, судя по языку, къ такому позднему времени (однако не позже XV в.), что вполне позволительно спросить, не была ли форма ᾽ς передъ членомъ свойственна языку самого автора. Что же касается ст. 80, то первоначальное чтеніе въ немъ было, можетъ быть, ἀξίως τῆς τιμῆς σου.

Ст. 100: ἐσυννεφιάσ' ὁ οὐρανός, ἄνεμος θέλει ποίσει.

Вмѣсто ποίσει Викела предположилъ πιάσει, но Вагнеръ оставилъ въ текстѣ рукописное чтеніе, — и не безъ основанія, какъ видно изъ ст. 77—78 римованнаго извода:

ἄστραψεν ἡ Ἀνατολή, ἐβρόντησε κ' ἡ δύσι,

ὁ οὐρανός ἐμαύρισε, φορτοῦνα θε νά ποίση.

Ст. 139: λέγει καί αὐτή πρὸς αὐτόν ἐν ἐξομολογήσει.

Читай αὐτή. Эту поправку я нашелъ въ послѣдствіи у Спиридіона Ламбра въ Collection des romans grecs (Paris 1888), стр. LVIII, примѣч. 1, однако оставляю ее здѣсь для того, чтобы по поводу ея выразить свое сомнѣніе въ необходимости нѣкоторыхъ другихъ исправленій того-же ученаго, не относящихся къ «Синаксарию», но связанныхъ съ вопросомъ о замѣнѣ двухъ первыхъ ямбовъ въ одномъ изъ полустишій или въ обоихъ анапестомъ со слѣдующимъ за нимъ неударяемымъ слогомъ. Для возстановленія этихъ двухъ ямбовъ Ламбръ отчасти перемѣщаетъ ударенія на отдѣльныхъ словахъ, напр. θεός вмѣсто Θεός, Ἰνφέρνου вмѣсто Ἰνφέρνου (стр. VIII, примѣч. 1), отчасти

замѣняетъ переданныя въ рукописяхъ слова другими, наприимѣръ, въ стихѣ

ἀς ἔσταιλε Ῥοδόφιλος ὁ πατήρ τοῦ Βελθάνδρου

онъ предлагаетъ вмѣсто πατήρ читать κύρις или ἀφέντης, не принимая въ расчетъ того обстоятельства, что этотъ стихъ написанъ цѣликомъ на древнемъ языкѣ. Но въ приводимыхъ имъ-же отрывкахъ изъ Διγένης Ἀκρίτας по Гротта-Ферратской рукописи этотъ ритмъ встрѣчается такъ часто, что и самъ онъ уже не обращаетъ на него вниманія. Мы сейчасъ возвратимся къ этому вопросу.

Ст. 146: εἰς τὰ χρυφὰ κλειψίματα καὶ τὰς ῥιδεξιόσυνας.

Какъ мы уже видѣли и еще увидимъ дальше, авторъ «Синаксаря» еще не зналъ позднѣйшаго отпаденія начальныхъ гласныхъ. Потому, вѣроятно, и здѣсь членъ прибавленъ переписчикомъ, а въ его подлинникѣ было написано καὶ ἐπιδεξιόσυνας, т. е. по звукамъ, приблизительно *кенидексиосинес* (въ 7 слоговъ). Ср. наоборотъ, чтò гораздо болѣе противорѣчитъ обыкновенному употребленію члена, ст. 155 и 197:

ὁ κόσμος καταρᾶται με ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.

ὁ τι ἔποιχα καὶ πολεμῶ ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.

Ст. 157—160: πλὴν ἡ εὐχὴ τῆς μάνας μου καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου πάντοτε βοηθοῦσί με καὶ τὰ κακὰ γλυτόνω.
πόσαις φοραῖς ἐγλύτωσα ἕκ τῶν ἀρχόντων τὰ σπήτια,
ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατοὺς, νὰ μὴ με θανατώσουν.

Вагнеръ замѣчаетъ: «lenius esset ἕκ τὰ σπήτια τῶν ἀρχόντων». Несомнѣнно, что онъ разумѣетъ при этомъ ритмъ. Но ср. ст. 64:

διὰ τοῦτο πρέπει σὲ λοιπὸν ὅπως ἔχης συγγνώμην,

хотя легко было бы придать и второму полустипиію почти правильный ямбическій строй посредствомъ перестановки: ὅπως συγγνώμην ἔχης. То-же въ ст. 169:

ἐβλέπω, περιεργάζομαι, ἔχει κάτον ἡ γραῖα.

Такъ и въ первой половинѣ ст. 291:

ὅτι ἔχεις ἐχθροὺς πολλοὺς ὁποῦ κακὸν σοῦ θέλουν.

Въ болѣе старинныхъ памятникахъ второе полустипиіе изъ двухъ анапестовъ съ неударяемымъ слогомъ въ концѣ—не рѣдкость, да и

на исходѣ XV в. Эммануилъ Георгилла позволяеть себѣ такіе стихи, какъ напр. въ Τὸ θανατικὸν τῆς Ῥόδου:

- 11 ἦτον ὁ ἀγιώτατος ὁ σοφὸς Μητροφάνης.
 13 ἐν τῷδε τῷ θανατικῷ καὶ αὐτὸς ἀπεβίω.
 17 Γεωργιλλᾶς ἀκούεται, Λειμενίτης τ' ἐπίκλην.
 29 καὶ ᾠχέν τα ν' ἀναδραφούν εἰς πικριαῖς καὶ φαρμάκια.
 33 καὶ δέρνεις καὶ παιδεύεις τὴν μὲ θανάτου αἰτία.

Но было бы неправильно сослаться на стихъ того-же Георгиллы

31 νὰ ᾽τον κι αὐτὸ γραμμέμον εἰς ἥ τῆς τύχης τὰ χαρτία

для оправданія цезуры послѣ предлога, такъ какъ эта вольность въ 15-сложномъ стихѣ вообще не допускается. Да и точно ли въ рукописи значитса ἐγλύτωσα ᾽х или хотя-бы даже безъ апострофа — ἐγλύτωσαх? Гласныя, поглощаемыя элизіей или сляніемъ, обыкновенно выписывались византійцами сполна, потому что, конечно, они и произносили ту и другую, хотя придавали слоговое значеніе лишь одной изъ нихъ. Исключеніе изъ этого правила представляютъ собою случаи классической κρᾶσις и слитія двухъ одинакихъ гласныхъ, какъ ν' ἀφήση, вмѣсто νὰ ἀφήση, да еще, хоть не всегда, ἀφαίρεσις или κρᾶσις при энклизѣ, какъ χακά ᾽νε вмѣсто χακά ἐνε, τοῦπε вмѣсто τὸ εἶπε, τὸ εἶπε (не безъ вліянія древнихъ аналогій), т. е. очевидно, такія соединенія словъ, въ которыхъ слышалась дѣйствительно лишь одна гласная. Такъ какъ въ «Синаксарѣ» предлогъ ἐκ не измѣняетъ своего ε на α (см. ст. 78, 83, 165, 243, 325, 336, не говоря уже о древнемъ сочиненіи съ родительнымъ падежемъ), ἐγλύτωσα ᾽х не подходило бы ни къ одному изъ этихъ условій, особенно при неизбѣжномъ, какъ мы видимъ, раздѣленіи этихъ словъ цезурой. Въ концѣ концовъ остается, кажется, предположить, что въ ст. 159, если рукопись на самомъ дѣлѣ даетъ ἐγλύτωσα х, эта х есть графическій остатокъ цѣлаго слога хᾶх или х' ἐх, а членъ передъ σπήτια (вѣрнѣе σπίτια) вставленъ переписчикомъ, тогда какъ авторъ воспользовался той свободой въ употребленіи члена, примѣръ которой находимъ у Алексія Комнина въ ст. 616:

υἱέ μου, βλέπε, μὴ ποθῆς τοῦ κόσμου τούτου πλοῦτον.

Возможно, впрочемъ, и наоборотъ: ἀπ' ἀρχόντων τὰ σπῖτια. Последнее даже вѣроятнѣе, если авторъ относилъ предложеніе δι' ἔχου

σύλους δυνατούς не къ τῶν ἀρχόντων, а къ τὰ σπίτια. Но что значить это ὅτι? Съ точки зрѣнія палеографіи не трудно возвести это слово къ ὀπ(οῦ), которое встрѣчается въ ст. 25, 79, 84, 103, 130, 250 (307 δπου въ смыслѣ нарѣчія «гдѣ»). Ст. 157 переданъ, можетъ быть, вѣрно, такъ какъ γλυτώνω въ «Синаксарѣ» сочиняется не только съ ἐκ или съ ἀπό (ст. 251: μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' αὐτούς, τᾶχεν ἐν ὑποκρίσει), но и просто съ вин. пад.— ст. 331: κ' ἐγλύτωσα τὴν συμφορὰν ἐκείνην ὁσπν εἶδα. Между этими двумя конструкціями есть какъ будто разница: предлогъ употребленъ при обозначеніяхъ лицъ и мѣстъ, а прямое дополненіе — при словахъ, выражающихъ самую опасность или бѣду. Теперь это различіе, повидимому, не соблюдается; ср. напр. Passow, *Popularia carmina Graeciae recentioris* CCL 12:

ἀπ' τὸ τουφέκι καὶ σπαθὶ κανεῖς νὰ μὴ γλυτώσῃ.

Ст. 161—162: καὶ μία χήρα ἄπορος καλὰ οὐκ ἐθεώρειεν
εἶχεν δὲ ὄρνιθων χοντρή καὶ λάλειε τὴν καβάκαν.

Судя по формамъ 3-го лица ед. ч. прош. несоверш. ἐπολέμαν ст. 234 и ἐξανέρωταν ст. 333, къ которымъ присоединяется ἐρώτα ст. 322 (можетъ быть, неточно вмѣсто ἐρώταν), можно было бы и здѣсь ожидать стянутыхъ ἐθεώρειν и ἐλάλειν (а не λάλειν, потому что авторъ «Синаксаря», судя по большинству примѣровъ, не опускалъ приращенія).

Ст. 168: λοιπὸν ἀκουσον τί ἐποίησα

пропущено что-нибудь въ родѣ διὰ νὰ τὴν ἀρπάξω.

Ст. 170: χοντρὸν κατὰκιν κόκκινον, τὴν τρίχα μου ὁμοιάζει.

Такъ издавъ Вагнеръ по догадкѣ Викалы, а въ рукописи κοτζάκιν, что можно сравнить со словенскимъ коѣка и чешскимъ kočice «кошка» и съ болгарскимъ *кочи* «кошачій» (при *котка* «кошка» и *котакъ* «котъ»).

Ст. 174—175: ὁ κάτος κάπου ἔλειπεν κ' ἐγὼ ἀντὶς τὸν κάτον
ἐρχομαι πρὸς τὴν γραῖταν

Вагнеръ замѣчаетъ: «ex versione recentiori patet huiusmodi verba supplenda esse ἔγω καὶ κάθισα κοντά της (vel κάθομαι)». Но въ соответствующемъ стихѣ римованнаго извода (266) то, что показалось Вагнеру принадлежностью первоначальной редакціи, вызвано, очевидно, римой:

κ' ἔνα βραδὺ στοχάζομαι πῶς ἔλειπεν ὁ γάτης,
 καὶ ἀντὶς τὸν γάτον πῆγα ἴω καὶ χάδισα κοντά της.

Кромѣ того, предполагаемое Вагнеромъ въ ст. 175 ἴω прямо невозможно послѣ предшествующаго ἐγὼ, а безъ такой прибавки не выйдетъ первое полустипіе. Но ясно, что до насъ дошло второе, а утрачено первое, приблизительно такое: ἐμβαίνω εἰς τὸ στίτιν της κ'.

Ст. 185—187: ἐγὼ δὲ τζαχαρόνω την ἐκείνην τὴν καβάχα,
 καὶ κείνη ἐφτερούγισεν καὶ χάχα χάχα λέγει·
 σηκόνω την καὶ σύρω την καὶ σήκωμαν οὐκ ἔχει.

Въ рукописи ἐνευτεράχισεν, что, по объясненію Вагнера, «em (endavit) Bicelas». Въ римованномъ изводѣ (ст. 282) почти такъ-же, какъ «исправилъ» Викела, и тѣмъ не менѣ эта поправка въ высшей степени подозрительна. Чтеніе рукописи ведетъ къ глаголу, мнѣ, правда, неизвѣстному, но во всякомъ случаѣ возможному — ἀναπτεραχίζω, произведенному отъ πτεράχιον или, можетъ быть, только по аналогіи этого слова передѣланному изъ древняго ἀναπτερυγίζω «объо крыльями». Весьма вѣроятно, что въ рукописномъ ἐνευτεράχισεν неправильно только υ (вмѣсто этимологическаго φ), а оба первые ε стоятъ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ двойного приращенія — при предлогѣ и при глаголѣ —, чему въ средне-греческой письменности есть много примѣровъ. Что касается перехода начальнаго α въ ε, а не въ η, то, по крайней мѣрѣ, въ корняхъ таковъ обыкновенный видъ приращенія у византійцевъ извѣстной эпохи и, можетъ быть, извѣстныхъ мѣстностей. Ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» во 2-мъ выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества», къ ст. 829. Тамъ-же въ ст. 434 я чуть-ли не напрасно предположилъ ἀνεδρέφοντο вмѣсто рукописнаго ἐνεδρέφοντο, которое, повидимому, находило себѣ подтвержденіе въ ἐνευτεράχισεν. Но если эта форма передана правильно, можно ли признать «Синаксарь» памятникомъ XV в.? не придется ли отнести его къ XIV в.? Какъ бы то ни было, въ его языкѣ еще нѣтъ послѣдовательно проведенной ἀποχοπή начальныхъ гласныхъ, и потому кажется сомнительнымъ правописаніе καὶ κείνην (вмѣсто κ' ἐκείνην) въ ст. 186 послѣ ἐκείνη ст. 185. Вопросу подлежитъ и τὴν καβάχα въ томъ-же стихѣ при καβάχαν ст. 162, какъ и остальные примѣры пропуска конечнаго ν.

Въ примѣчаніи къ ст. 187 Вагнеръ спрашиваетъ: «fortasse ὄσυχωμαν?». Конечно, нѣтъ—тѣмъ болѣе, что едва-ли и возможно образование (ἡ)ὄσυχωμαν при ἡσυχάζω, которое вдобавокъ неупотребительно въ новогреческомъ просторѣчии; да и по смыслу, если ужъ измѣнять σήκωμαν, то развѣ только въ σηκωμόν, при чемъ вполне ясно обозначилась бы такая мысль: «я поднимаю ее (говорить лисица о курицѣ) и ташу, а ее и поднять нельзя». Такимъ-же образомъ говорится напр. τὸ ἀσκέρι δὲν ἔχει μετρημόν «войску счету нѣтъ», а въ народной поэзіи—и μετρημούς, напр. Passow, Populargia carmina Graeciae recentioris CXV ст. 14:

μετράει τοὺς Τούρκους καὶ μετράει, καὶ μετρημούς δὲν εἶχαν,

CXXXI ст. 19:

εἶναι πολλοί, πουλάκι μου, καὶ μετρημούς δὲν ἔχουν

съ вариантомъ (не у Пассова) μετρημόν. Впрочемъ, Пассовъ почему-то пишетъ вездѣ μετρημούς. Однако измѣненіе σήκωμαν въ σηκωμόν отнюдь не можетъ считаться необходимымъ, какъ видно, напр., изъ сравненія ст. 224 поэмы Стефана Сахлики о тюрьмѣ по рукописямъ P(arisinus) и M(ontepessulanus) у Вагнера стр. 85 (въ исправленномъ видѣ):

διατί ἐν πολλὰ καὶ ἀρίφνητα καὶ πληρωμόν οὐκ ἔχουν

и по Неаполитанской, изданной С. Д. Пападимитріу въ IV выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» (ст. 438):

διατί (ἐν) πολλὰ καὶ ἀρίφνητα καὶ πλήρωμα οὐδὲν ἔχουν.

Въ видѣ экскурса къ ст. 185 позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ о глаголѣ τζαγκарόνω, повидимому, мало извѣстномъ у насъ. Значитъ онъ собственно «зацѣпляю крюкомъ» и употребляется теперь особенно объ остановкѣ овцы посредствомъ кирлиги, которая по ново-гречески называется κλιούκα (очевидно, славянскаго происхожденія), но кое-гдѣ, можетъ быть, до сихъ поръ еще обозначается словомъ τζαγκάρι, τζάγκαρο или другимъ, произведеннымъ отъ той-же основы. Какова бы ни была грамматическая форма этого предполагаемаго глаголомъ существительнаго, онъ восходитъ къ иранскому чангар-«крюкъ», откуда и τζάγκρα «крѣпостной лукъ» (т. е. метательная машина въ видѣ большого лука). Правда, въ персидскомъ языкѣ мы знаемъ только современное чангал, по турецкому выговору —

чинель, перешедшее и къ грекамъ (τζιγχέλι «крюкъ» съ глаголомъ τζιγχέλιζω «продѣваю крюкомъ» и τζιγχελόνω «скрючиваю, искривляю»); но въ тѣхъ изъ иранскихъ языковъ или нарѣчій, въ которыхъ не было звука *л*, это слово должно было являться съ *р*. Что касается слова τζαχάρης «сапожникъ», встрѣчающагося уже у Θεοδора Προδρομα, то оно не имѣетъ ближайшей связи съ τζαχαρώνω, что видно уже изъ синонимическаго τζαχᾶς: окончаніе — ᾶρης, какъ и — ᾶς, принадлежитъ греческому языку; но то слово, отъ котораго они произведены, τζάχα или τζαχίν «сапогъ», можетъ относиться къ одному корню съ τζαχαρώνω. Слово *чан* или, по турецкому произношенію, *ченъ* въ смыслѣ обуви (именно женской, расшитой золотомъ и, вѣроятно, отличающейся круто загнутыми носками) извѣстно намъ, кажется, только изъ турецкаго языка, но оно, конечно, заимствовано у персовъ и первоначально тождественно съ персидскимъ *чан* «рука или лапа съ согнутыми пальцами, когти, лютня съ кривой рукоятью». Сохранили ли чанги свой восточный покрой по переходѣ къ византийцамъ, — это другой вопросъ. Весьма правдоподобно, что это слово въ Греціи видоизмѣнило свое значеніе, судя по тому, что τζαχάρης значить просто «сапожникъ», а τζάχα или τζαχίν стала называться только особаго рода парадная обувь, — можетъ быть, то-же, что χαμπάγιν (ср. Д. Θ. Бѣляева «Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ», стр. 54 примѣч.).

Ст. 204—205: καὶ τὴν οὐρανὸν μου χατοῦρῶ, τὰ ὀμμάτια μου βρέχω,
καὶ εἰς τὰ ἠατοφρύδια μου κρεμάζονται οἱ κόμποι.

Форма ὀμμάτια для автора «Синаксаря» не книжная, а живая, какъ видно изъ ст. 299:

ἀνοιξε τὰ ὀμμάτια σου, γρίλωσ' τα ὅσον ἔχεις,

гдѣ это слово читается въ 3 слога и сверхъ того за нимъ слѣдуетъ предложеніе чисто простонароднаго характера. Потому и въ ст. 204 произношеніе слова ὀμμάτια въ 4 слога, да еще съ удареніемъ на послѣднемъ, кажется подозрительнымъ. Или Вагнеръ произносилъ *омаѳья му*? Но такое удареніе невозможно, потому что историческая преемственность формъ была такова: *ομμάτια* — *ομ(μ)άτѳья* — *μάτѳья*, откуда съ энклитикой *ομμάτѳια му*, *ομ(μ)άτѳья му* и наконецъ *μάτѳья му*, какъ говорятъ теперь, а *ομ(μ)атѳья*, позже *матѳья* можетъ быть только стяженіемъ старѣйшаго *ὀμματέα* «взглядъ». Впрочемъ, размѣръ

совсѣмъ не требуетъ такого произношенія: хотя не такъ гладко, однако правильно чтеніе *та омáтъя*, съ чѣмъ сравни выписанные выше ст. 12 и 51. Вѣрно ли 4-сложное ζαγάρια въ ст. 32, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о непосредственно слѣдующемъ βαρύσκυλος (а въ ст. 31 есть σκύλος). За то несомнѣнны 4-хъ-сложныя μαρούλια въ ст. 227 и κοντάρια въ ст. 338 (послѣднее передъ самой цезурой). Но, какъ мы уже видѣли, «Синаксарь» относится ко временамъ, предшествующимъ отпаденію начальныхъ гласныхъ; къ тому-же и форма ὀμμάτια засвидѣтельствована въ немъ дважды. Отсюда слѣдуетъ, что въ ст. 205, вѣроятно, было написано авторомъ ὀμματοφρύδια. При этомъ стихъ можетъ читаться двояко: съ усѣченіемъ гласной союза και или съ συνίζησις слоговъ τὰ ὀμ—, т. е., по фонетикѣ, *та о*, такъ какъ согласныя въ новогреческомъ языкѣ не удваиваются. Такъ и въ остальныхъ 4 случаяхъ слово ὀμμάτιν, хотя и утратило въ рукописи свой первый слогъ, находится послѣ гласной (именно α—, можетъ быть случайно), почему вездѣ возможно возстановить полную форму съ συνίζησις. Случаи эти мы находимъ въ ст. 332, 351, 354, 355:

καὶ πλεὰ μὴ ἴδῶν τὰ ἴματα μου τοιαύτην καταδίχην.
τὰ ἴματιά μου ἤστραψαν ὡσάν ταῖς τζιμπυλίδες.
καὶ βλέπεις με, συντέκνισσα, μὲ, τό ἴνα ἴματιν εἶμαι,
μὲ τό ἴνα ἴματι σὲ θωρῶ, μὲ τᾶλλο δὲν σὲ βλέπω,

вѣрнѣе: μὲ τᾶλλο οὐδὲν σὲ βλέπω съ συνίζησις слоговъ -λο οὐ-, если не και τᾶλλο οὐδὲν σὲ βλέπει, такъ какъ μὲ есть лишь догадка Бурсіана, а въ рукописи και. Во второмъ изъ этихъ стиховъ самый размѣръ требуетъ формы ὀμμάτια откуда ритмъ, уже выясненный выше, *та омáтъя му ѵстрапансан*.

Ст. 215—220: ὄσια μου, ἄγια μου καὶ δεδικαιωμένη,
καλότυχη, καλόμοιρη καὶ δεδικαιωμένη,
... κλαδὶν τῆς παραδείσου
νά ἔτυχα κ' ἐγὼ ἐκεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσίν σου.
ὄντως, κυρὰ συντέκνισσα, ἡ ἀρετὴ σου αὐτὴ
ὑπὲρ ἐμὲ ἐγένετον ἢ σεσυγχωρεμένη.

Вотъ замѣчаніе Вагнера къ этому мѣсту: «fortasse fuit λαμπάδα εἶσαι ἀναφτῆ, κλαδὶν τῆς παραδείσου, conl. versione recentioris», т. е. ррѣмованный изводъ, въ которомъ обращеніе волка къ лисѣ послѣ исповѣди выражено такъ (ст. 304—310):

ἀξιμε, σοῦ λέγω σήμερον, νᾶσαι εὐλογημένη,
 κι ἀπ' ὄλα σου τὰ κρίματα νᾶσαι συγχωρεμένη.
 λέγει και ταῦτα πρὸς αὐτήν· «κυρία μου μεγάλη,
 λαμπάδα εἶσαι ἀναφτή, μὲ δίχως μανουάλι.

Но уже изъ простаго сопоставленія этихъ двухъ обработокъ того-же мѣста явствуетъ съ полной очевидностью, что ст. 310 риѣмованной редакціи принадлежитъ цѣликомъ ея автору, который здѣсь отступилъ отъ подлинника, измѣнивъ между прочимъ его порядокъ, такъ какъ его ст. 309 соотвѣтствуетъ ст. 212 подлинника:

λέγων και ταῦτα πρὸς αὐτήν· «Κυρία μου ἁγία,

за которыми слѣдуетъ то, что въ риѣмованномъ пересказѣ выражено ст. 311. Можно, конечно, спросить, почему же позднѣйшій редакторъ такъ передѣлалъ эти стихи, тогда какъ въ другихъ онъ, правда, иногда прибавляетъ кое-что отъ себя, но вообще слѣдуетъ въ изложеніи порядку стиховъ подлинника. Едва-ли возможно отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, нежели предположеніемъ, что въ спискѣ, которыми пользовался этотъ редакторъ, ст. 212—220 были перепутаны и вообще переданы въ неудовлетворительномъ видѣ, слѣдъ чего и въ Вѣнской рукописи сохранили ст. 215—217, и вмѣсто κλαδὶν значилось нѣчто похожее на κανδήλιν (судя по λαμπάδα). Но удивительно, какъ Вагнеру не бросился въ глаза одинаковый конецъ ст. 215 и 216, который, по устраненіи неправильно повторенныхъ словъ, прямо велъ къ возстановленію стиха

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου.

Послѣ παραδείσου у Вагнера нѣтъ знака препинанія, что объясняется, вѣроятно, недосмотромъ, какъ и запятая послѣ ст. 214 вмѣсто точки. Здѣсь нужна запятая для отдѣленія звательныхъ падежей отъ послѣдующаго. А дальше уже рѣшительно курьезъ, особенно въ виду соотвѣтствующаго мѣста риѣмованнаго извода: совершенно невозможное ἡ σεσυγχωρέμενη есть, очевидно, не что иное, какъ εἶσαι συγχωρεμένη, передъ чѣмъ, разумѣется, слѣдуетъ поставить точку или κῶλον.

Ст. 228—233: κ' ἐγὼ ἀπὸ τὴν πεῖνάν μου (ὁποῦ 'χα σὰν τὸν σκύλο)
 ἐγύριζα τὸ στόμα μου κ' ἐμπουκονόμην φύλλον,
 ἄλλοτε μόλις ἔσωνα κ' ἐμπουκονόμην φύλλον

καὶ ἄλλοτε οὐκ ἔσωνα καὶ ἐκοπάνιζέ με
 με ῥέχλαν στραβοδίχων τὸ κωλοκούρου μου,
 καὶ βέργιζεν ὁ κῶλος μου κ' ἐσυχοπορδοκόπου.

О словахъ въ скобкахъ Вагнеръ говоритъ: «verba ὁποῦ ᾿χα σὰν τὸν σκύλο supplevi e vers. ges.», именно изъ ст. 331—332:

κ' ἐγὼ ἀπὸ τῆν πεῖνά μου ὁποῦ ᾿χα σὰν τὸ σκύλο
 ἐγύριζα τὸ στόμα μου κ' ἤρπουν κομμάτι φύλλο.

Едва-ли возможно сомнѣнiе въ томъ, что дополненныя Вагнеромъ слова не могутъ быть заимствованы изъ первоначальной редакци и вставлены ради приемы къ находящемуся и въ подлинникѣ φύλλον. Мало этого: ὁποῦ ᾿χα σὰν τὸν σκύλο(ν) несогласно съ языкомъ подлинника, въ которомъ употребляется только полная форма ὡσάν (ст. 163, 173, 182, 241, 325, 326, 346, 348, 351, 392). Вѣроятноже, что вторая половина ст. 228 заключала въ себѣ нѣчто близкое по значенiю къ содержанiю первой, напр. καὶ τὴν πολλὴν νηστείαν. Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ мы встрѣчаемъ то-же явленiе, что въ ст. 215 и 216: вторая половина ихъ одна и та-же, что подозрительно. Кромѣ того это повторяющееся полустипише содержитъ въ себѣ форму ἐμπουκονόμην, странную въ двухъ отношенiяхъ: 1) ἐμπουκόνω есть глаголъ дѣйствительный, и въ такомъ видѣ, какъ мы уже знаемъ изъ ст. 13, онъ былъ извѣстенъ и автору «Синаксаря»; 2) если бы авторъ хотѣлъ употребить его въ формѣ средняго залога, онъ сказалъ бы, вѣроятно, или ἐμπουκώμην или ἐμπουκονόμην, если не ἐμπουκόνουμου, какъ въ ст. 239 κ' ἐβαύλομου (у Вагнера καὶ βούλομου). Ужь не есть ли это μην остатокъ сложнаго союза μὴ νὰ, означающаго, какъ μήπως и τάχα νὰ, попытку? Дѣло въ томъ, что чуть-ли не самой подходящей второй половиной ст. 229 было бы μὴ νὰ ᾿μπουκώσω φύλλον. Конечно, такое объясненiе порчи, смѣлое тѣмъ болѣе, что оно предполагаетъ перестановку слоговъ, возможно только подъ условiемъ сильнаго искаженiя первоначальнаго текста. Но вѣдь на значительный безпорядокъ указываетъ состоянiе трехъ стиховъ подъ рядъ (228—230). Если въ подлинникѣ «Синаксаря» они были написаны такъ:

καὶ ἐγὼ ἀπὸ τῆν πεῖνά μου ἐγύριζα τὸ στόμα ἐμπουκ... φύλλον
 ἄλλοτε μόλις ἔσωνα καὶ ἐμπούκωνα ἕναν φύλλον, то становится до нѣкоторой степени понятно, почему буквы μην (изъ μηνὰ) перемѣнили свое мѣсто и какъ сходныя между собою полустипишя повлiяли одно на

другое до полного отождествленія. Взаимное вліяніе сосѣднихъ словъ замѣчается и въ послѣдующихъ стихахъ: бессмысленное *στραβοδίωλον* обязано своимъ происхожденіемъ отчасти словамъ *κωλοκούκουρον* и *κῶλος*. Но испорчено и *ῥέκλαν*. Въмѣсто этого слова Викела предложилъ *βέργαν*, какъ и въ соотвѣтствующемъ ст. 335 римованной передѣлки на мѣстѣ *μὲ ῥέκλαν* читается *μὲ βέργα*; но ближе по начертанію *ἄρκλαν*, да и по смыслу тоже: *ἄρκλα* значить «стволъ, дубина въ толщину ствола». Едва-ли вѣрно и его исправленіе загадочнаго *στραβοδίωλον* въ *στραβοδίπουλον*, также, кажется, не существующее: здѣсь по соображеніямъ синтактическимъ слѣдуетъ скорѣе предположить глаголь — *στραβοδίπλωνεν*, который, можетъ быть, нигдѣ не встрѣчается, но, если не ошибаюсь, былъ бы понятъ всякимъ грекомъ, какъ производный отъ *στραβά* «вкось» и *δίπλα* «поперекъ». Если эта догадка удачна, то придется читать *μὲ ἄρκλαν ἐστραβοδίπλωνεν* со слитіемъ двухъ слоговъ *μὲ ἄρ-* въ одинъ, потому что приращеніе слоговое въ «Синаксарѣ», повидимому, не пропускается. *Κωλοκούκουρον* мнѣ неизвѣстно, но допускаеть, можетъ быть, такое объясненіе: если вторая часть его восходитъ къ *οὐρά* «хвостъ», то въ видѣ первой позволяю себѣ предположить сложное *κωλόκουκος* (изъ *κῶλος* «задъ» и *κοῦκος* «кукушка»), равняющееся по значенію древнему *κόκχις* въ анатомической терминологіи — «хвостецъ» (*os coccygis*). Въ слѣдующемъ стихѣ *βέργιζεν* или, вѣрнѣе, *ἐβέργιζεν* приходится понимать въ смыслѣ *ἐβεργίζετο*, чтò необычно, да и едва-ли допустимо по связи мыслей, которая скорѣе заставляла бы ожидать *ἐρράγιζεν* «разсѣдался».

Ст. 237—238: *καὶ τὸ βαρὺν τὸ φόρτωμαν καὶ ἀπὸ τὸ δόσμαν χροῦσμαν ἔτρεμαν τὰ ποδάρια μου, ἔτρεμεν τὸ χορμί μου.*

Вагнеръ снабжаетъ этотъ стихъ такимъ примѣчаніемъ: «fortasse fuit καὶ ἀπ' τὸ β. τ. φ. καὶ ἀπ' τὸ δασμένον κ.». Вставить слѣдуетъ не ἀπ', которое въ «Синаксарѣ» передъ согласными не встрѣчается, а ἐκ, употребительное именно передъ согласными. Затѣмъ остается прибавить *ν* въ концѣ слова *χορμί*, а другихъ измѣненій не нужно, такъ какъ *δόσμαν* значить между прочимъ «ударъ» и составляетъ съ *χροῦσμαν*, какъ его синонимъ, одно понятіе, подобно нашимъ «путь-дорога», «житье-бытье», «родъ-племя», и потому опредѣляется однимъ, общимъ съ *χροῦσμαν*, членомъ.

Ст. 258: *αὐτὰ σκατὰ ποῦ λὲς εἶναι καὶ ψεματολογία.*

Весьма поучительно примѣчаніе Вагнера: ποῦ λές Bicelas, πλάω. Итакъ въ рукописи πλά, т. е. πηλά, множественное отъ πηλός, какъ древнія σῖτα, ταρσά, βάσανα, κύκλα, δρυμά, δάκτυλα, δεσμά, позднѣйшія μυαλά, καπνά (табаки). Въ Appendix Вагнеръ самъ поправилъ свою ошибку. Такимъ образомъ l'incident est clos, какъ говорятъ французы; но догадка Викелы и поспѣшность, съ которою принялъ ее Вагнеръ, любопытны въ томъ смыслѣ, что свидѣлствуютъ о все еще продолжающемся существованіи предрасудка, будто греческое просторѣчіе среднихъ вѣковъ и нашихъ дней — одно и то-же за исключеніемъ кое-какой разницы въ словарѣ. Викела основывался лишь на томъ, что πηλά изъ живого говора ему не было извѣстно, а Вагнеръ ему повѣрилъ потому, что онъ грекъ. Между тѣмъ въ «Синаксарѣ» относительная частица является только въ видѣ ὅπου, а отъ глагола λέγω употребляются только полныя формы наст. вр., λέγω, λέγει и λέγουν. Правда, въ ст. 388 встрѣчается λέσιν, но хотя бы уже стоящая и выше (ст. 376) и ниже (ст. 392) на томъ-же мѣстѣ стиха форма λέγουν ясно опредѣляетъ грамматическое употребленіе автора. Кромѣ того, если бы авторъ могъ и захотѣлъ воспользоваться формами ποῦ и λές, онъ, вѣроятно, расположилъ бы слова въ такомъ порядкѣ: αὐτὰ ποῦ λές σκατά εἶναι или — εἶναι σκατά.

Ст. 260—264: τότε ἰδὼν ὁ γάδαρος καὶ ὄλως ἀπελπίσας
καὶ πρὸς αὐτὰς φθεγξάμενος τοιαῦτα ἀναφέρει
«καλὰ νὰ τ' ἐγνωρίσετε, ἀφένταις ἐδικοί μου,
ἀπὸ τὸ μαρουλόφυλλον ἐκεῖνον ὅσον εἶπα,
ἄλλον οὐδὲν ἐπίσταμαι, ὁ οὐρανὸς τὸ βλέπει».

Πρὸς αὐτάς, если не есть какое-нибудь неизвѣстное мнѣ обстоя-
тельство выраженіе, какъ ἐξ αὐτῆς (см. мои упомянутые выше
«Замѣтки» къ ст. 493), чтò, впрочемъ, очень сомнительно, должно быть
исправлено въ πρὸς αὐτὰ «на это» или въ πρὸς αὐτοὺς. Въ слѣдующемъ
стихѣ обращаетъ на себя вниманіе количественное ὅσον. Если бы
смыслъ мѣста былъ таковъ: «кромѣ всѣхъ тѣхъ листовъ латука, о
которыхъ я сказалъ», авторъ употребилъ бы, вѣроятно, множествен-
ное число; но ослу, который произносилъ эти слова въ свое оправда-
ніе, отнюдь не было выгодно намекать на то, что его продѣлка,
описанная въ приведенныхъ выше ст. 228 и 229, повторялась неоднок-
ратно. Возможно впрочемъ, что ὅσον εἶπα значить здѣсь: «въ ука-
занной мною мѣрѣ», т. е. не свыше ея; правда, такой образъ выраже-

νία былъ бы неясенъ, но съ такими сравнительно невинными недостатками въ изложеніи у византийцевъ приходится довольно часто мириться.

Ст. 292—297: ὁ λύκος δὲ ὡς ἤκουσεν τῆς ἀλουποῦς τοὺς λόγους
καὶ πῶς καὶ τὴν συγκρότησιν ἐπίστευσεν εὐθέως,
καὶ λέγει πρὸς τὸν γάδαρον «γάδαρε, δεῖξέ με το».
καὶ λέγει ὁ γάδαρος εὐθύς μετὰ χαρᾶς αὐθέντη,
ἀνέβα εἰς τὸ πόδιμα κ' ἐκεῖ νὰ σὲ τὸ δεῖξω,
καὶ κάτσε ἀνακούρκουδα καὶ 'ς τὰ ἐμπρὸς σου σκόπει.

Неизвестно, какъ понималъ Вагнеръ ст. 293, а понятие его мудро. Вѣроятно, слѣдуетъ читать: καὶ πῶς καὶ τί 'συγκρότησεν «какъ и что она затѣяла», — разумѣется, съ запятой послѣ глагола. Въ ст. 295 μετὰ χαρᾶς принадлежитъ уже къ отвѣту осла, что Вагнеръ, если не зналъ этого обычнаго и до сихъ поръ выраженія («охотно»), могъ бы усмотрѣть изъ параллельныхъ ст. 417 и 418 риёмованной Διήγησις:

ἐκεῖνος τ' ἀποκρίθηκε καὶ ἔπαψε νὰ κλαίγῃ
«μετὰ χαρᾶς, ἀφέντη μου, εἴ τι ὀρίσεις» λέγει.

Послѣ μετὰ χαρᾶς слѣдуетъ, конечно, и въ разбираемомъ мѣстѣ поставить запятую, а послѣ αὐθέντη — точку или κῶλον. Въ πόδιμα недостаетъ конечнаго ν, которымъ въ нарѣчїи автора былъ снабженъ именительный падежъ ед. ч. всѣхъ словъ средняго рода, какъ и винительный всѣхъ склоненій: χάρισμαν, πόδαν и т. п.

Вторая половина ст. 297 представляется по рукописи совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели у Вагнера, какъ явствуетъ изъ его-же свидѣтельства: «non potui refingere hunc versum, praesertim cum litterae hic admodum difficiles sint lectu: καὶ τὰ ἐμπροσθανάσσου πο». Два послѣднія сочетанія буквъ ведутъ скорѣе къ ἐμπροσθινά σου πόδια или ἐμπροσθέν σου πόδια «твоя переднія лапы». Первое выраженіе проще, но нарушаетъ размѣръ; потому предпочтительно второе. Что касается вставки предлога εἰς послѣ καί, то она нужна во всякомъ случаѣ: оселъ требуетъ, чтобы волкъ сѣлъ на корточки и на переднія лапы, т. е. такъ, чтобы его тѣло опиралось на задъ и на переднія лапы. Такимъ образомъ волкъ будетъ именно сидѣть, что не позволитъ ему перемѣнить мѣсто такъ скоро, какъ если бы онъ стоялъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, и въ то-же время морда его окажется поднятой

выше, чѣмъ если бы онъ лежалъ на животѣ, вытянувъ переднія лапы впередъ. Ослу нужно такое положеніе волка для того, чтобы лягнуть его прямо въ морду.

Ст. 304—318: ταῦτα ἐχομπλόγησε ὁ γάδαρος ἐκεῖνος
 τὸν λύκον, καὶ ἐποίησεν καθὼς τὸν ὀρδινιάσεν·
 ἀνέβην εἰς τὸ πόδωμαν ὁ λύκος καὶ ἐκάτσεν,
 κ' οὐλον τὸν ἐκατέστησεν ἔς τὸν ποῦντον ὅπου πρέπει,
 γριλόνει ὁ λύκος νὰ ἰδῆ τὸ πότε νάλθη χάρις,
 πότε ἰδῆ τὸ πέταλον ἀντάμα μὲ τὴν χάριν·
 ὁ γάδαρος *βολύσσει τον, τζιλιπουρδᾶ καὶ κροῦ τον
 μὲ ὄλην του τὴν δύναμιν, ὅσον κι ἂν ἐδυνήθην,
 κ' ἐκτύπησέ τον μὲ θυμὸν καὶ ἐχαρβάλωσέ τον,
 ἔμπροσθεν τὸν *ἐρόντζεψεν ἔς τὴν μέσην τοῦ πελάγους.
 εἰθύς βάνει τὸν φῶναρον καὶ ἐξεματζουκόνει
 καὶ σφυροκατουρεῖ συχνὰ καὶ συχνοπορδαλίξει.
 σηκόνει τὴν οὐράκλαν του, ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα,
 καὶ οὐριάξει καὶ τζηῆ καὶ ἔσικησεν τὸν κόσμον.
 γυρεύει καὶ τὴν ἀλουποῦ μὴ νὰ τὸν κουκουδώση.

Общій смыслъ этого отрывка вполне ясенъ: оселъ, убѣдивъ волка въ какихъ-то благодатныхъ свойствахъ своей подковы, усадилъ его на палубѣ той барки, на которую заманилъ его тотъ-же волкъ съ лисицей, и, будто бы показывая ему обѣщанную благодать, лягнулъ его нѣсколько разъ такъ ловко и сильно, что онъ, избитый, слетѣлъ въ море, послѣ чего побѣдитель ознаменовалъ свое торжество своеобразными и не совсѣмъ приличными поступками, а затѣмъ бросился на такую-же расправу съ лисой. Картина написана съ чисто византийскимъ реализмомъ, который, быть можетъ, нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ при характеристикѣ животныхъ, привлекавшихъ къ себѣ участливое вниманіе грековъ во всѣ времена. Цѣльности впечатлѣнія, которое должно производить на читателя это описаніе подвига смиреннаго осла, нѣсколько мѣшаетъ порча или неясность нѣкоторыхъ словъ. Прежде всего конецъ ст. 304 и начало ст. 305 грѣшатъ противъ правила, гласящаго, что конецъ 15-сложнаго «политическаго» стиха долженъ совпадать съ концомъ предложенія или самостоятельной части предложенія. Очень легкій способъ устраненія этой неправомерности состоитъ, казалось бы, въ томъ, чтобы вмѣсто ἐκεῖνος поставить ἐκεῖνον, а τὸν λύκον καὶ измѣнить въ ὁ λύκος δὲ; но при суще-

στυγательномъ ὁ γὰδαρος естественнѣ ожидать сущестительнаго же τὸν λύχον, а въ слѣдующемъ предложениі — мѣстоименія ἐκεῖνος δὲ. Представляется и третья возможность исправленія—измѣнить только начало ст. 305 по первому способу; но при такой поправкѣ, на первый взглядъ самой невинной изъ всѣхъ трехъ, здѣсь предложенныхъ, происхожденіе ошибки далеко не такъ ясно, какъ при второмъ способѣ, который основанъ на предположеніи простой перестановки словъ и связанной съ ней замѣны δὲ посредствомъ καί. Кроме того, къ ἐκομπολόγησε слѣдуетъ прибавить νῦ ἐφελευστικόν, согласно съ обычаемъ автора, который 3-е лице ед. ч. историческихъ временъ всѣхъ залоговъ оканчивается на ν.

Въ ст. 307 κ' οὐλον невозможно уже потому, что авторъ «Синаксаря» знаетъ только ὄλος, какъ напр. тутъ-же въ ст. 311. Можно было бы подумать объ исправленіи и этого мѣста посредствомъ перестановки съ переменной ου на ω: τὸν κῶλον; но при такомъ чтеніи у насъ оказалось бы странное ἀσύνδετον, до котораго византійцы вообще не охотники. Еще важнѣе то, что ὁ λύχος въ слѣдующемъ стихѣ указываетъ на другое подлежащее, а именно ὁ γὰδαρος, въ предшествующемъ предложениі. Въ силу этихъ двухъ соображеній кажется болѣе вѣроятнымъ обращеніе κ' οὐλον въ κί ὄνταν. Въ ст. 308 передъ χάρις недостаетъ необходимаго здѣсь члена ἡ, который пропущенъ переписчикомъ, можетъ быть, только фонетически, т. е. онъ могъ разумѣть νᾶλθ' ἡ χάρις. Объ отмѣченномъ у Вагнера звѣздочкой словѣ въ ст. 310 Спиридїонъ Ламбръ въ Collection de gomans grecs на стр. L говорить: «ὁ γὰδαρος βολύσσει corrigé (т. е., по смыслу, doit être corrigé) en βωλίσει=βωλίξει». Если это слово значитъ то-же, что βουλίξει или βουλιάζει, иначе βουλιᾶ, — «крушить, валить», то оно, конечно, можетъ подходить по смыслу къ этому мѣсту, но откуда σσ вмѣсто ζ? Эту замѣну нельзя, кажется, объяснить ни лингвистически, ни палеографически. Βωλίτσω, если оно существуетъ или существовало, не наслѣдовано изъ древняго языка, а позднѣйшій не только не образуетъ новыхъ глаголовъ на -σσω, но и перешедшимъ въ него остаткамъ этого образованія придаетъ иные окончанія, превращая τάσσω въ τάζω, πλήσσω въ πλήκτω, μαλάσσω въ μαλακόνω и т. п. Итакъ здѣсь скрывается или древній глаголъ на -σσω, какъ πατάσσει, (δὲ) πλήσσει, или образованный иначе, только едва-ли на -ζω. Во всякомъ случаѣ догадка Ламбро нуждается въ подтвержденіи. Второй въ этомъ стихѣ глаголъ — τζιλιπουρδᾶ «ля-

гаеть» — извѣстенъ, но, можетъ быть, неизвѣстно то, что эта форма должна считаться болѣе поздною, чѣмъ употребительная на ряду съ нею до сихъ поръ *τζιλιπουρδίξει*. Таковъ выводъ изъ этимологiи этого слова (кажется, объясняемой здѣсь впервые) — отъ турецкаго *челин урмак* «пинкомъ ударить» (пишется *челиб* — дѣепричастіе отъ *челмек* «толкать ногой»), а форма, въ которой турецкіе глаголы переходятъ въ другіе языки Балканскаго полуострова, есть прошедшее время, т. е. въ данномъ случаѣ *челин урды* (по нынѣшнему выговору — *урду*, но пишется и теперь *урды*). При *τζιλιπουρδίξω* образовано *τζιλιπουρδῶ* (т. е. *τζιλιπουρδάω* или *τζιλιπουρδέω*) по аналогiи *βουλίξω*—*βουλῶ*, *βουτίξω*—*βουτῶ*, *βρουχίξω*—*βρουχῶ*, *ζεματίξω*—*ζεματῶ*, *ζουλίξω*—*ζουλῶ*, *σφαλίξω*—*σφαλῶ* и т. п. Такимъ образомъ въ «Синаксарѣ» мы находимъ уже турецкое слово. Есть въ немъ и другое того-же происхожденія — *μπουσδουγέιν* (ст. 335) въ видѣ синонима къ *ἀπελατίκι* (ст. 325 и 338). Но присутствіе какихъ-нибудь двухъ турецкихъ словъ само по себѣ еще не препятствуетъ отнесенію этого памятника къ XIV в. Третій глаголъ въ томъ-же ст. 310, *χροῦ*, слѣдуетъ писать *χροῦει* (т. е., по выговору, *крий*). Въ ст. 312 находимъ *ἐχαρβάλωσε* вмѣсто правильнаго *ἐχαλάβρωσε* (отъ *χαλάβρα* «развалина», стоящаго въ связи съ *χαλάω*); но та-же перестановка засвидѣтельствована и въ ст. 370 (гдѣ вмѣсто *ἀλλὰ χαρβάλωσέν μας* читай *ἀλλ' ἐχαρβάλωσέν μας*). Къ тому-же перемѣщеніе ρ, какъ въ *χλιμιντρίξω* вмѣсто *хреметіξω*, *хориахтосъ* изъ *хониртосъ*, *прихусъ* и *прикада* при нормальныхъ *пихросъ* и *пихрада*, *ἀφουκράζομαι* изъ *ἀχροάζομαι*, *ρουμάνи* изъ тур. *орман* «лѣсъ», *сардиβάνи* при *садрибάνи* отъ перс.-тур. *шадрван* «фонтанъ», — явленіе обыкновенное. Въ ст. 313 *ἐρόντζεψεν*, отмѣченное у Вагнера звѣздочкой, какъ испорченное, нуждается лишь въ орфографической поправкѣ — *ἐρρόντζεψεν*, а впрочемъ, *ρόντζεύω* представляетъ собою греческую передѣлку итальянскаго *gonzage* (съ *z = дз*) «1) жужжать, гудѣть, 2) швырять» (т. е. вѣроятно, съ такой силой, что брошенный предметъ вслѣдствіе быстроты полета гудитъ въ воздухѣ). Въ ст. 314 *ἐξεματζουχόνει* (отъ романскаго *mazzuca* «палица, дубина», какъ *ξεσπαθόνω* «обнажаю саблю» отъ *σπαθίν*), повидимому, лучше, нежели находящаяся въ ст. 456 римованнаго извода *ἐξωματζουχόνει*, такъ какъ *ἐξε-* есть лишь иная форма употребительнаго въ сложныхъ *ξε-* (вмѣсто *ἐξ*), а въ такихъ отъименныхъ глаголахъ гораздо обычнѣе (*ἐ*)*ξε-*, чѣмъ *ἐξω*, служащее для выраженія понятія «внѣ, внѣшній» въ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчіяхъ; рѣдкіе глаголы, какъ *ἐξω-*

βγάνω, не говоря уже о томъ, что они произведены не отъ имени, относятся къ разряду не *Zusammensetzung*, а *Zusammenrückung* и потому, если бы не одно удареніе, могли бы писаться въ два слова: ἔξω βγάνω и т. п. Въ ст. 315 σφυροχατουρεῖ едва-ли даетъ какой-нибудь смыслъ: какое отношеніе можетъ быть между σφυρίν «молотокъ» и χατουρεῶ? понятно было бы σφοδροχατουρεῖ, противъ котораго нельзя, конечно, привести въ видѣ возраженія то обстоятельство, что это сложное, кажется, не встрѣчается. Глаголь οὐριάζει, который читается въ ст. 317, значить «тухнетъ, воняетъ» и примѣняется обыкновенно къ испорченному яйцу, а потому, въ виду предшествующаго ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα можно предположить, что это лишь ошибка вмѣсто οὐρλιάζει «реветъ»; и странно было бы, если бы при описаніи дѣйствій расходившагося осла остался забытымъ его оглушительный ревъ. Для объясненія темнаго κουκουδῶση въ ст. 318 слѣдуетъ прежде всего сравнить слова самой лисицы о томъ-же поступкѣ осла въ ст. 328:

ἐγύρεψεν καὶ με (читай κ' ἐμέ) πολλὰ μὴ νὰ με κουκουδῶση,

изъ котораго видно, что въ ст. 318 τὸν написано (или напечатано) ошибочно вмѣсто τὴν, необходимаго и при чтеніи κακοδῶση, предложенномъ Бурсіаномъ. Но κουκουδῶση, вѣроятно, правильно: иначе оно едва-ли было бы повторено писцемъ безо всякаго измѣненія, особенно при прозрачности этимологiи и значенія предполагаемаго κακοδῶση; къ тому-же κουκουδῶ или, можетъ быть, κουκουδόνω есть вполнѣ допустимое сложное изъ κουκοῦ ср. р. «лакомство» (въ дѣтскомъ языкѣ) и корня δο- (въ δίδω «даю») — «угощать», здѣсь въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ и по-русски: «онъ ищетъ и лисицы въ надеждѣ на то, что ее угостить».

Ст. 329—330: πλὴν τῆς μητρός μου ἢ εὐχῆ καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου ἔσωσάν με κ' ἐχρεμίστηκα ἔς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.

Форма страдательнаго аориста на -τηκα (или -θηκα), свойственная современному намъ языку, за исключеніемъ понтійскаго нарѣчія, не была еще извѣстна средневѣковымъ грекамъ, образовавшимъ это время посредствомъ окончанія -θην, какъ древніе, или, рѣже и, вѣроятно, не повсемѣстно, -θησα. Неумѣстность формы на -θηκα здѣсь доказывается чрезмѣрной длиною содержащаго ее въ себѣ полустішія, такъ какъ въ немъ не 8 слоговъ, а 9. Законное число слоговъ будетъ восстановлено, если изъ ст. 320 (приведеннаго выше по по-

воду ст. 80) мы заимствуемъ форму ἐκρήμνισα. Объ употребленіи κατὰ σύνεσιν множ. ч. (ἔσωσαν) ср. выше ст. 157—158.

Ст. 334—344: ἀπέ μοι, κυρά συντέκνισσα, καί με τὸ ἐξηγήσου
τὸ μπουσδουγένι ποῦ τὸ ἔχεν, κ' ἐγὼ οὐδὲν τὸ εἶδαν.
[λέγει] ἂν τὸ ἔχες ἴδεν, κύρ σύντεκνε, ἐκ τὴν κοιλίαν
του ἐξέβην·

ὁμοιάζει ἡ κοιλία του, ἔχει ἀρματοθήκη,
ματζούκαις καὶ κοντάρια, χοντρὸ ἀπελατίκι,
σκληόπαις, μπουμπάρδαις, βόλια, δισσάκια γιωμάτων,
ἀνακαράδες, βούκινα, χοντρά ἀπελατίκια
[συρλάδες καὶ τὰ μπίφαρα, ἀνακαρὰν τὸν λέγουν,]
καὶ βούκινον ὅπῳ ἴδωκεν καὶ ἔοικησεν τὸν κόσμον,
καὶ ἄλλα πλέα ἴδια
τὰ ὅποια ἀλησμόνησα ἀπὸ τὴν ζάλισίν μου.

Въ рукописи εἶπέ, и въ виду отсутствія примѣровъ усѣченія начальной гласной этого глагола въ «Синаксарѣ» (кромѣ случаевъ послѣ гласной, къ νὰ ἴπῳ въ ст. 360) слѣдуетъ сохранить эту форму, что возможно напр. при такомъ чтеніи: εἶπέ μοι (если не μου) το, συντέκνισσα безъ κυρά, какъ въ ст. 117 и 354 (съ κυρά ст. 219 и 345, о которомъ ниже). Конечно, еще проще было бы выкинуть μοι, но грекъ скорѣе поставитъ мѣстоименное дополненіе тамъ, гдѣ, съ точки зрѣнія ясности, безъ него можно обойтись, чѣмъ пропустить его въ такой связи, при которой оно само собою напрашивается. Рѣшеніе вопроса о томъ, должно ли во второмъ полустипіи με быть измѣнено въ μοῦ, благоразумнѣе отложить до будущихъ изслѣдованій синтаксиса мѣстоименій въ средне-греческомъ языкѣ. Въ ст. 335 слѣдуетъ лишь прибавить конечное ν къ μπουσδουγένι; прочее исправно, такъ какъ ποῦ здѣсь не относительная частица, которая, какъ уже сказано, автору «Синаксаря» была извѣстна только въ видѣ ὅπου, а вопросительное нарѣчіе («гдѣ у него была палица?»), что видно уже изъ слѣдующаго καί, замѣняющаго въ простонародномъ языкѣ очень часто союзъ винословный (см. мои «Способы относительнаго подчиненія» стр. 61).

Слово λέγει въ ст. 336 Вагнеръ считаетъ, очевидно, простою вставкой, которую достаточно удалить для полнаго исправленія мѣста; но это едва-ли вѣрно, потому что предувѣдомленіе о началѣ рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Синаксарѣ» (да, кажется, и въ

δρुγихъ памятникѣхъ этого рода) никогда не опускается. Однакоже нельзя считать это λέγει и частью стиха по причинамъ метрическимъ. Потому весьма вѣроятно, что посредствомъ λέγει передъ ст. 336 переписчикъ замѣнилъ цѣлый стихъ, указывающій на обращеніе лисицы къ волку, какъ ст. 96:

ἡ ἀλουποῦ ἢ πονηρὰ ταιούτους λόγους λέγει

или ст. 359:

ὑπόλαβεν ἢ ἀλουποῦ, τὸν λύκον ταῦτα λέγει,

гдѣ, впрочемъ, вѣроятно, слѣдуетъ возстановить ὑπέλαβεν, судя не только вообще по наличности приращенія въ другихъ мѣстахъ «Синаксаря», но и въ частности по формѣ ὑπελάβετο въ ст. 113. Однако, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что по выдѣленіи глагола λέγει въ особый стихъ первой половиной ст. 336 окажутся слова ἄν τὸ ᾗς ᾗδεν, χὺρ σύντεχνε, въ которыхъ очень подозрительно сокращенное ᾗδεν, неизвѣстное автору. Да и что значить здѣсь этотъ оборотъ? Если мы объяснимъ его въ смыслѣ давно-прошедшаго, то въ этомъ памятникѣ нѣтъ ни ἔχω, ни εἶχα для описанія прошедшихъ временъ; если же соединеніе ἔχω съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ имѣеть обыкновенный у византійцевъ смыслъ долженствования или возможности, т. е. представляетъ собою оборотъ древній и въ началѣ XV в. (или еще того раньше) признаваемый, вѣроятно, уже до нѣкоторой степени устарѣлымъ, то въ такомъ случаѣ форма ᾗδεν кажется еще менѣе допустимой. На основаніи этихъ соображеній становится правдоподобнымъ такой выходъ: λέγει могло принадлежать къ ст. 336, обозначая одно смѣну говорящаго лица, какъ въ ст. 323:

λέγει αἰαί τί με ἐρωτᾷς καί τί με συντυχαίνεις;

гдѣ подлежащее при λέγει лисица въ противоположность къ ст. 395:

ὁ λύκος δὲ κατὰ λεπτόν τὴν ἀλουποῦ ἐρώτα,

почему послѣ этого стиха слѣдовало бы поставить точку, а не запятую, стоящую въ текстѣ Вагнера; что же касается словъ ἄν τὸ ᾗς ᾗδεν, то они, можетъ быть, передѣланы переписчикомъ, уже употреблявшимъ прошедшія описательныя съ ἔχω, изъ такого-же оборота, какой мы видѣли выше въ ст. 72, т. е., въ нашемъ мѣстѣ, ἄν τὸ ᾗς καὶ ἰδῆς. Понятно само собою, что обѣ эти догадки предполагають опущеніе словъ χὺρ σύντεχνε, какъ позднѣйшей вставки, послужившей,

по всей вѣроятности, причиною сокращенія первоначальной редакціи предшествующихъ словъ. Итакъ вотъ правильный и, по крайней мѣрѣ, безусловно возможный въ XIV в. видъ этого стиха:

λέγει· ἄν τό ἄχος νὰ ἰδῆς, ἐκ τὴν κοιλίαν του ἐξέβην,

т. е. она (лисица) говорить: «Если бы ты могъ ее (палицу) видѣть, (то ты замѣтилъ бы, что) она вышла у него изъ живота». Предложенія съ *verbum sentiendi* въ значеніи сказуемаго послѣ предложеній, выражающихъ условіе или цѣль, опускаются въ новѣйшемъ языкѣ съ такой-же легкостью, какъ и въ древнемъ. Для полнаго пониманія этого мѣста надобно помнить, что волкъ въ самомъ дѣлѣ не могъ видѣть того, о чемъ говоритъ лиса, такъ какъ осель ἐξεματζούκωσεν уже послѣ того, какъ оглушилъ его ударомъ копыты и сбросилъ въ море. — Въ ст. 337 запятую слѣдуетъ поставить не послѣ του, какъ у Вагнера, а послѣ ὁμοιάζει: «похоже (на то, что) у него въ животѣ арсеналъ». Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ пропускомъ союза *что*, весьма употребительнымъ въ греческомъ просторѣчїи (см. «Способы относительнаго подчиненія» (стр. 68) и не чуждымъ языку «Синаксаря», напр. ст. 16:

ὁ δὲ ἰδὼν ὁ γάδαρος αὐτοῦς, τριγύρω στέκου

или ст. 349: Ἐφάνη με, ὁ οὐρανὸς ἐχάλασεν ἐπάνω. — Стихамъ 338—344 соотвѣтствуютъ въ ринованномъ изводѣ, при всемъ его многословіи, всего два — 483—484:

βουμπάρδαϊς νᾶχη μπρύνζιναις, τουφέκια γεμισμένα,
νᾶχη καὶ βόλι ἀρίθμητα, δισσάκια κρεμασμένα.

Такое сокращеніе объясняется всего легче тѣмъ, что позднѣйшій пересказчикъ не понималъ этого мѣста подлинника отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе незнакомства съ перечисляемыми здѣсь предметами, но главнымъ образомъ потому, что по нѣкоторымъ признакамъ, напр. метрическимъ, считалъ его испорченнымъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ искажено, особенно вставками, изъ которыхъ одну (ст. 341) выдѣлилъ уже Вагнеръ. Онъ-же попытался исправить текстъ въ двухъ мѣстахъ: *μπουμπάρδας* вмѣсто *λουμπάρδαϊς* и *δισσάκια* вмѣсто *δισσάνε*, «*quod recte emendasse me confido*», замѣчаетъ онъ. Та и другая поправка заимствована, очевидно, изъ приведенныхъ выше стиховъ ринованной редакціи, авторъ которой, какъ мы видѣли, не зналъ, что дѣлать съ подлинникомъ въ томъ видѣ, въ какомъ его нашелъ.

Πο΢τομου на ποзднѣишую версиоу въ этомъ случаѣ ссылатъ опасно. Несомнѣнно, что λουμπάρδαιc Вагнеръ измѣнилъ произвольно, такъ какъ λουμπάρδα есть извѣстное названіе особаго рода пушекъ. Возможно и то, что βουμπάρδαιc есть только ошибка венеціанскаго изданія, а самъ пересказчикъ написалъ λουμπάρδαιc, какъ въ изданіи Якова Гримма. Сомнительно и δισσάκια: такого оружія, кажется, не было, да и заряды едва-ли хранились или перевозились въ саквахъ. Кроме того, въ рукописномъ δισσάνε содержится, повидимому, глаголь ѣνε «есть». Надѣяться на полное возстановленіе первоначальнаго текста трудно, но былъ онъ приблизительно таковъ:

ὀμοιάζει, ἡ κοιλία του ἔχει ἀρματοθήκην·
ματζούκας καὶ κοντάρια, χονδρὰ ἀπελατίκια,
σκλόπας, λουμπάρδας, βόλια, δοξάρια ἔνε γεμάτων,
ἀναχαράδες, βούκινα καὶ ἄλλα πολεμοφόδια,

или, можетъ быть, старѣйшая форма πολεμοφόδια. Впрочемъ, такъ какъ перечисленія различныхъ предметовъ часто соблазняютъ переписчиковъ или читателей къ интерполяціямъ, весьма возможно, что и въ этомъ сокращенномъ текстѣ все еще осталось нѣчто, не принадлежащее автору, а именно третій стихъ, въ которомъ упоминается огнестрѣльное оружіе.

Ст. 345: (καὶ τοῦτο) λέγω ἐγὼ, κυρὰ συντέκνισσα, νὰ ἡξεύρης.

Слова въ скобкахъ вставлены Вагнеромъ для пополненія стиха, но неудачно, такъ какъ при этой вставкѣ цезура приходится между неотдѣлимыми другъ отъ друга κυρὰ и συντέκνισσα; ср. выше ст. 219 и также κύρ σύντεκνε, стоящее всегда передъ самой цезурой, въ ст. 97, 288, 336 и 360. Правильно было бы

κ' ἐγὼ, κυρὰ συντέκνισσα, λέγω νὰ τὸ ἡξεύρης,

съ чѣмъ можно сравнить ст. 97:

ἀφέντη μου, κύρ σύντεκνε, καλὰ νὰ τὸ γνωρίσης.

Ст. 362—366: καὶ τί ἂν ἔνε γάδαρος καὶ περιφρονημένος;
ἶδε τὸν θάνατον αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπιβουλίαν
καὶ ἀδικίαν δόλιον καὶ τὴν συκοφαντίαν,
χωρὶς νὰ πταισῇ τίποτεc ἄξιον καταδίκης,
ἡμεῖc ἐδιεχρίναμεν αὐτὸν τοῦ θανατῶσαι.

Трудно угадать, какъ Вагнеръ понималъ эти стихи: при сохраненномъ имъ рукописномъ текстѣ и съ разставленными такимъ образомъ знаками препинанія едва-ли они даютъ удовлетворительный смыслъ, не говоря уже о конструкціи. Первому можно было помочь отчасти запятою послѣ *τί* («и что изъ того, если онъ оселъ и презрѣнный?»), но только отчасти, да и то лишь кажущимся образомъ. Прежде всего очевидно, что вмѣсто *ἴδε* слѣдуетъ написать *εἶδε*, а при этомъ становится ясно, что предыдущее находится къ послѣдующему въ уступительномъ отношеніи, т. е. «хоть онъ и оселъ» или, ближе къ слѣдамъ подлинной конструкціи, «на сколько онъ ни оселъ». Извѣстно употребленіе *τί* въ смыслѣ «какъ, какой» или «сколько, колікій», напр. въ знаменитомъ нѣкогда изреченіи:

Ὁ Ἀθήνα, πρώτη χώρα,
τί γαῖδάρους τρέφεις τώρα!

Такъ уже въ византійскомъ *Ἀναχρεόντειον* (39):

τί καλόν ἐστι βαδίζειν! —

(см. «Способы относительнаго подчиненія» стр. 72). Но вопросительное мѣстоименіе возможно только въ вопросѣ и въ восклицаніи, а при подчиненіи нужно относительное *ὅ τι*, слѣдовательно здѣсь *καὶ ὅ τι* или *κι ὅ τι* съ *συνίζησις* = *κἀτι*. Впослѣдствіи въ этой конструкціи передъ *ἄν* является *καὶ* (см. тамъ-же стр. 81), почему переписчикъ, считавшій этотъ союзъ существеннымъ въ такой связи, не понявъ *ὅ τι ἄν* ἐνε и постарался внести въ эти слова доступный ему смыслъ посредствомъ превращенія *ὅ τι* въ *τί*. Такъ какъ ст. 365—366, не завися грамматически отъ предшествующихъ, тѣмъ не менѣе содержать въ себѣ объясненіе словъ *ἀδικία* и *συκοφαντία*, въ концѣ ст. 366 слѣдуетъ поставить *κῶλον*. Всѣ эти соображенія подтверждаются ст. 521—524 риѳмованнаго пересказа:

καλὰ καὶ εἶναι γάδαρος καὶ καταφρονεμένος,
ἄν ἐν καὶ καχορρίζικος καὶ καταδικασμένος,
εἶδε πολλὴν τὴν ἀδικία καὶ τὴν συκοφαντία μας,
τὴν ἀτοπίαν τὴν πολλὴν καὶ τὴν συκοφαντία μας,

гдѣ *καλὰ καὶ*, какъ и у византійцевъ, употреблено въ смыслѣ позднѣйшаго *ἀγκαλά* «хотя», а ст. 365—366 подлинника оставлены въ сторонѣ, потому что только поясняютъ предыдущее, ясное и безъ того и вдобавокъ уже нѣсколько размазанное риѳмоплетомъ.

Ст. 376—382: ἀλλὰ τὸ ὄνομα αὐτὸν ἔστησαν νὰ τὸν λέγουν,
 ἀπὸ τοῦ νῦν εἰς τὸ ἐξῆς Νίκον νὰ τὸν λαλοῦσιν,
 καὶ πλέον γάδαρον αὐτὸν ποσῶς μὴ τὸν εἰποῦσι,
 ἀλλὰ Νίκον ᾧς τὸν λαλοῦν «ὅτι ἐνίκησέν μας,
 τὸν λύκον καὶ τὴν ἄλουποῦ καὶ ἐθανάτωσέ μας,
 καὶ μυριοεντροπιάσεν μας
 κ' ἐτύφλωσεν καὶ ποῖκε μας μυριοκινδυνεμένους.

Имя *Νίκος*, какъ здѣсь, такъ и въ ст. 388 Вагнеръ пишетъ съ острымъ удареніемъ — почему? Съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка это, разумѣется, безразлично, но такъ какъ и въ немъ принято держаться древняго правописанія, слѣдуетъ писать *Νίκος* съ обличеннымъ удареніемъ. Странно и *Νικήτα* въ ст. 380 и 393 вмѣсто *Νικήτα*. Уж если отступать въ такихъ случаяхъ отъ обычныхъ правилъ, благо-разуміе было бы ставить на проперисτώμενα передъ энклитиками лишь одно удареніе, напр. κ' ἐποῖκε μας, а не καὶ ποῖκέ μας, какъ постоянно пишетъ Вагнеръ съ опасностью соблазна для читателей, мало знакомыхъ съ ново-греческимъ произношеніемъ. Въ ст. 380 послѣ *ἄλουποῦ*, очевидно, пропущена запятая. Обрывку ст. 381 Вагнеръ придалъ постановкой ударенія на предпоследнемъ слогѣ глагола видъ перваго полустипшія; но слѣдуетъ читать *μυριοεντρόπιασέν μας* (= *μυρ-ἔνδρόπιασέν μας*), принимая эти слова за второе полустипшіе, присочиненное переписчикомъ на основаніи ст. 382 и 373:

καὶ ἐποικέν μας ἄπραχτους καὶ ἐντροπιάσέ(ν) μας.

Любопытно однако, что о стыдѣ говорится и въ соотвѣтствующемъ этому мѣсту 532 ст. риэмованнаго извода:

ἐπῆρέ μας καὶ τὴν τιμὴν καὶ κατεντρόπιασέ μας.

Сама собою навязывается мысль, что вставка лишняго полустипшія объясняется первой попыткой того-же позднѣйшаго автора къ переложенію первоначальнаго текста въ риэмы. Сюда-же, можетъ быть, относится и полустипшіе 217, если перелагатель имѣлъ въ виду слѣдующую редакцію:

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου,
 νὰ ἔτυχα κ' ἐγὼ ἐχεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσί σου.

Нетрудно допустить, что ему-же мы обязаны искаженіемъ ст. 337—343 съ такимъ-же отдѣльнымъ полустипшіемъ, памятникомъ его ра-

боты, при которой представлялись его воображенію различныя редакціи отдѣльныхъ мѣстъ, напр.

ἀνακαράδες, βούκινα κι ἄλλα πολλὰ παιγνίδια,
 συρλάδες και τὰ μπίφαρα
 και βούκινον ὅπῳ ὄωκεν, ἀνακαρὰν τὸ λέγουν,

но окончательную отдѣлку получило только двустипіе 337—338, благодаря тому, что для введенія рѣшмы достаточно было превратить множественное *χονδρά ἀπελατίκια* въ единственное.

Ст. 389—393: λοιπὸν ὅσοι τὸ ἀκούσασιν και ὅσοι τὸ ἀκούγουν
 διὰ τὴν τιμὴν σας, γάδαρον ποσῶς μὴ τὸν εἶπητε,
 καθὼς και ἐπεκράτησεν, τινὲς καλοὶ ἀνδρῶποι
 ὡσὰν τὸν ἀφέντην (γάδαρον) γάδαρον δὲν τὸν λέγουν,
 ἀλλὰ Νικήτα και Νικόν ὅσοι τὴν γνῶσιν ἔχουν.

Прежде всего здѣсь надобно исправить интерпункцію, поставивъ послѣ *ἀκούγουν* и *Νικόν* запятыя, а послѣ *εἶπητε* — *κῶλον*. О ст. 396 Вагнеръ говоритъ слѣдующее: «*pro (γάδαρον) codex habet α., quod Biscelá auctore mutavi*». Но едва-ли этотъ стихъ напечатанъ такъ, какъ хотѣлъ Вагнеръ, который, конечно, не могъ не замѣтить, что въ немъ одинъ слогъ лишній, именно *τὸν*, нарушающій ямбическій ритмъ перваго полустипіа. Неправильныхъ стиховъ встрѣчается въ рукописяхъ не мало, но въ данномъ случаѣ, если бы *τὸν* дѣйстви-тельно находилось въ рукописи, было бы непонятно, отчего Вагнеръ, исправляя этотъ стихъ весьма энергически, не выкинулъ мѣшающаго размѣру и ненужнаго по грамматикѣ словечка. Впрочемъ, оставимъ ли мы его на мѣстѣ или устранимъ, все равно — надлежащаго смысла не получимъ. Ожидать здѣсь можно утверждения, что благомыслящіе люди, когда разумѣютъ осла, зовутъ его не такъ, не осломъ, а Никитой или Никомъ (т. е. «побѣдителемъ народа», Николаемъ). Держась по возможности ближе къ буквамъ, переданнымъ рукописью, этого смысла можно достичь такимъ измѣненіемъ текста (съ ритмомъ, выясненнымъ выше по поводу ст. 139 и 159):

ὅσ' ἂν θέλουν τὸν γάδαρον, οὕτως οὐδὲν τὸν λέγουν.

Въ заключительномъ стихѣ почетное названіе осла является съ необычнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ—*Νικόν*. Эта неправильность, вѣроятно, обусловлена энклизой, которой троханческія слова

чаѡо подвергаютѡ вѡ цезурѡ 15-сложнаго стиха. Первоначальная причина ритмической слабости трохаяческого слова вѡ концѡ первого полустигиѡа коренится, повидимому, вѡ такихъ случаяхъ слиянiя (κρᾶσις) или усѡченiя (ἀφαίρεσις), каковы τῆθελες или τί θελες, τῶχασε или τὸ χασε, ὁποῦπαδε или ὁποῦ παδε изѡ τί ἤθελες, τὸ ἔχασε, ὁποῦ ἔπαδε, откуда, уже по аналогiи, τί θελεиς вѡместо τί θέλεиς, однако не τὸ χανω: дѡло вѡ томѡ, что для такой энклизы необходимо, чтобы предшествующий трохею слогъ имѡлъ на себѡ сильное ударение, какое свойственно словамъ знаменательнымъ, а изѡ служебныхъ почти только отрицанию οὐδέν, отличавшемуся нѡкогда отъ οὐκ приблизительно такъ-же, какъ наше «совѡмъ не» отъ простого «не». Впослѡдствии это различiе пропало, а сильное ударение на οὐδέν осталось, напр. у Θεοδора Προδρoμα:

αὐτὸς μικρὸς οὐδέν εἶδεν τοῦ λουτροῦ τὸ κατώφλιον,

вѡ поэмѡ обѡ Аполлонiи Тирскомѡ:

ἐγὼ ἄλλον ἄνδρα οὐδέν θελω εἰ μὴ τὸν δάσκαλόν μου,

вѡ приведенномѡ выше ст. 23 «Синаксаря»:

εἰς τὸ κορμί(ν) μ' οὐδέν ἔχω κρέας ἀλλ' οὐδὲ αἷμα.

Отсюда и позднѡйшее δέν, хотя обыкновенно произносится безъ ударения, вѡ пѡсняхъ иногда превращаетѡ слѡдующую за нимѡ трохаяческую глагольную форму вѡ энклитику, напр.

ἐτοῦτο ντέρντι δέν εἶναι, ὁποῦ ᾿χο ᾿ς τὴν καρδιάν μου

или, вѡ стихѡ другого размѡра:

τόπον δέν ἠύρα οὐδὲ χωριὸ νὰ μείνω.

Что же касается ударения καί Νικον, то его можно сравнить развѡ только съ рѡдкими случаями неправильной энклизы, какиѡ встрѡчаются чуть-ли не у однихъ понтийскихъ грековѡ, напр.

μηδὲ πολλὰ μηδὲ ᾿λίγα, ἐννέα χιλιάδες.

μὲ τὸ μέλι, μὲ τὸ γάλα, μὲ τοῦ ἀρνί τὸ κρέας,

которые допускаютѡ ритмическое чтение или пѡние лишь подѡ условиемъ выговора *мидѡлмиа* и *метѡмелин метѡгалан* (сѡ энклизой даже за четыре слова до цезуры).

Этимъ замѡчаниемъ обѡ энклизѡ, какъ имѡющимъ болѡе или менѡе общiй характеръ, я охотно закончилъ бы свое изслѡдование, если бы могъ ожидать, что такъ называемая научная критика отне-

сется къ настоящему моему опыту иначе, нежели къ первому, объ Аполлоніи Тирскомъ, вызвавшему коротенькій отзывъ, содержаніе котораго состоитъ исключительно въ томъ, что предложенныя мною поправки отличаются смѣлостью. Эта оцѣнка, пожалуй, справедлива, въ особенности относительно нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы; но истинная цѣль какъ того изслѣдованія, такъ и этого заключается въ возстановленіи не первоначальнаго текста, которое иногда и невозможно, а языка даннаго памятника. Византійцы писали, какъ извѣстно, на языкѣ двоякаго рода: или на литературномъ, приближающемся къ древнему въ различной степени, смотря по уровню образованія и отчасти по намѣреніямъ автора, или на простонародномъ, хотя рѣдко безъ примѣси книжныхъ, т. е. тѣхъ-же древнихъ элементовъ. Переписчики, по большей части, какъ и естественно, болѣе невѣжественные, чѣмъ писатели, согласно съ этимъ условіемъ поступали со своими подлинниками того или другого склада отнюдь не одинаково: первые они списывали довольно добросовѣстно и если кое-гдѣ искажали ихъ, то лишь вслѣдствіе непониманія или поспѣшности и во всякомъ случаѣ не преднамѣренно, для чего у нихъ и не было необходимыхъ познаній; что же касается подлинниковъ, написанныхъ на просторѣчій, которое, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, т. е. за вычетомъ кое-чего діалекческаго или устарѣлаго, было вполне доступно самимъ писцамъ, то съ памятниками этой категоріи они стѣснялись мало, и особенно со стихотворными. Послѣднее обстоятельство можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но станетъ совершенно понятнымъ, какъ только мы припомнимъ, что почти вся византійская беллетристика этого рода облечена въ стихотворную форму, тогда какъ такая-же проза имѣла своимъ содержаніемъ мѣстную исторію (напр. хроника Махеры), легенды, записи, частные договоры и т. п. предметы, не представлявшіе пищи для воображенія переписчика и обуздывавшіе его произволь самой своею сущностью. Нѣкоторые стихотворные памятники средне-греческаго просторѣчія, напр. произведенія Θεодора Προδρομα, такъ называемое поученіе Алексія Κομνηνα (или Σπανει), сказаніе о Дигеніи Ακριτῆ, въ различныхъ рукописяхъ читаются съ такими вариантами, что возстановить ихъ первоначальный изводъ, по крайней мѣрѣ, при нашихъ наличныхъ средствахъ, прямо невозможно. Но это уже задачи историка литературы, а лингвисту довольно, если ему удастся освободить подлинный языкъ даннаго извода извѣстнаго памятника отъ постороннихъ при-

мѣсей, внесенныхъ въ него переписчикомъ, жившимъ обыкновенно позже автора и бывшимъ часто изъ другой мѣстности, откуда двойной характеръ примѣсей: хронологическій и діалектологическій. Пока не будетъ такимъ образомъ возстановленъ языкъ автора каждаго памятника или хоть каждаго извода, нечего и думать объ исторической грамматикѣ живого греческаго языка не только за время существованія Византійской Имперіи, но и значительно позже, такъ какъ составители печатныхъ изданій до Кюрая обходились съ такими текстами почти такъ-же свободно, какъ редакторы рукописныхъ изводовъ: стоитъ только припомнить состояніе текста знаменитаго «Эротокрита». Изученіе средне-греческаго языка, основанное на памятникахъ въ ихъ современномъ видѣ, опирается на весьма шаткія основанія, не говоря уже о статистикѣ грамматическихъ формъ, которая и при самомъ надежномъ матеріалѣ даетъ убѣдительные результаты только съ такими пропорціями, какъ напр. 50:1, а еще лучше — 50:0.

Ф. Коршъ.